

К 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя

НАШ СОВРЕМЕННОИК

Понистине огромно значение творчества Гоголя для русского театра. Театр, в понимании Гоголя, — это высокая общественная трибуна, с которой писатель говорит с народом. И Гоголь дорог русскому театру тем, что он высоко поднял идейное звучание нашей драматургии, считая большее общественное значение пьесы характерным национальным свойством русской комедии.

«Гоголь писал не то, что могло бы более нравиться, — говорил Н. А. Некрасов, — и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества». Именно таким писателем-гражданином изобразил Николая Васильевича Гоголя выдающийся актер Малого театра А. П. Ленский, который вылепил памятник великому писателю. Он показал Гоголя, смело сдергивающим завесу с городничих и Хлестаковых, Чичиковых и Собакевичей, Ноздревых и Плюшкиных. Такое понимание Гоголя характерно для всего Малого театра, который сыграл исключительную роль в сценическом воплощении бессмертного «Ревизора».

Основоположник реализма на русской сцене М. С. Щепкин, личный друг Н. В. Гоголя, своим творчеством способствовал тому, чтобы правильно был понят «Ревизор», чтобы ярче был выявлен обличительный характер комедии.

После первого городничего — Щепкина целая плеяда замечательных русских актеров совершенствовалась и творчески дополняла на сцене Малого театра этот реалистический образ. Он был своеобразным камертоном, по которому строилось звучание всего спектакля. Вслед за М. С. Щепкиным городничего играли такие актеры, как В. А. Макшеев, К. Н. Рыбаков, В. Н. Давыдов, О. А. Правдин, Степан Кузнецов, Н. К. Яковлев и, наконец, Ф. В. Григорьев — исполнитель роли городничего в последней, и поныне идущей, постановке «Ревизора» на сцене Малого театра. Все они, вдохновленные гением Гоголя, вносили новые штрихи и черточки в центральный образ комедии, обогащая его своими творческими находками.

На пути к подлинному демократизму и народности, чем определяется вся работа советского театра, и Малого театра в частности, нашим бессменным учителем и помощником является Гоголь. Он не только начертал на знамени театра стремление к подлинной народности, но и своей драматургией сам проложил путь к сердцу массового зрителя. Характеры его героев так выпуклы, речь их так ярка и образна, сценические ситуации так правдивы и убедительны, что для каждого актера нет большего наслаждения, чем играть в пьесе Гоголя.

Даже не представляешь себе подчас все возможности, которые раскрывает для актера гоголевский текст. Образность Гоголя безмерно глубока, и каждый раз, исполняя уже, казалось бы, знакомую до

предела роль, находишь все новые черты, жесты, интонации, явно подсказанные текстом. Как сверкающий алмаз, горит каждое бессмертное создание Гоголя. И этот алмаз сразу настолько восхищает своим блеском, что отдельные грани волшебного камня начинаешь различать только позже, когда внимательнее приглядишься.

Я горжусь тем, что к 100-летию со дня смерти великого писателя мне выпала честь впервые в моей жизни исполнить роль городничего в «Ревизоре». С большим трепетом и волнением готовлюсь я к этому ответственнейшему выступлению, бережно воспринимая традиции Малого театра и огромный творческий труд, вложенный в создание этого образа всей блестящей плеядой артистов нашего театра.

Вспоминаю, что подобные же чувства переживал я в 1938 году, когда готовил роль Хлестакова, которого до меня играли такие актеры, как М. П. Садовский, А. Ф. Горев, Степан Кузнецов.

Говоря о неизмеримой глубине гоголевских образов, я вспоминаю один из эпизодов в работе над этой ролью. Хлестаков, по словам Гоголя, «идет с чувством... Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни — почти род вдохновения».

И вот, в сцене вранья Хлестаков говорит: «Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я». В этой гениальной фразе Гоголь убийственно подвел своего героя. Ведь играют, как известно, четверо, Хлестаков же в пылу увлечения перечислил уже четырех вистующих, указывая пальцем на четыре места за карточным столом, а себя еще не назвал. Он чувствует, что попался, но уже поздно... И он с испугом добавляет на минуту упавшим голосом: и я...

Уже много лет играя Хлестакова, я неожиданно обратил внимание на этот гоголевский «подтекст» и стараюсь его оттенить в игре. Так уже готовый образ на ходу обогащается новыми деталями, которые заложены в авторском тексте, но не на поверхности, а в глубине.

Много писем присылают мне участники кружков театральной самодеятельности. Они просят поделиться опытом, написать, как нужно играть Хлестакова. Самый великий режиссер, по-моему, — Гоголь. И потому ответ у меня один: читайте внимательно Гоголя — у него все сказано. «Большее всего наобую опасаться, чтобы не впасть в карикатуру». Вот главная его мысль. Дальше Гоголь пишет: «Чем меньше будет думать актер о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более обнаружится смешное взятой им роли. Смешное обнаружится само собою именно в той сурьезности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии».

Актеры мечтают о таких ролях и пьесах, в которых есть подлинный драматургический материал, где артист может раз-

вернуться по-настоящему и показать свои возможности. «Ревизор» — это вершина драматургии, это полнинная школа мастерства и даже не школа, а университет актерского мастерства.

Превосходное знание театра сочетается у Гоголя с необычайной яркостью и сочностью языка. В. В. Стасов писал: «С Гоголя водворился на России совершенно новый язык, он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре».

Мне выпало счастье не только играть Гоголя, но и читать его произведения на эстраде и по радио. Моя любимая повесть — «Старосветские помещики». Помню, как лет двадцать назад я готовил ее целый год для чтения с эстрады. Два-три раза в неделю я запирался в комнате и по нескольку часов подряд работал над текстом. Гоголь изобразил двух старичков-помещиков, которые, казалось, были такими бесцветными, тусклыми и занимались только тем, что ели и спали, но он озарил светом своей души эти унылые фигуры, согрел их, показав нам подлинно человеческое чувство их большой и бескорыстной любви друг к другу. И, как в лучах этого светлого и чистого чувства, засверкали мастерски выписанные образы Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича... А. С. Пушкин оценил «Старосветских помещиков», как «шутливую трогательную шпильку, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления».

Сейчас я работаю над фрагментом из «Мертвых душ», готовлю для чтения с эстрады главу о Плюшкине. Мне хочется показать в образе Плюшкина страшного стяжателя, скунца и собственника, внутренне настолько же опустошенного, насколько набиты всяким хламом его бесконечные кладовые. Это уже не человек, а одна только внешность, оболочка, за которой не осталось ни одной симпатичной человеческой черты, ни одного светлого луча.

Бессмертный гоголевский смех звучит с тех пор, как впервые смеялись наборщики, готовя первое издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Мягкий и улыбочатый, он становится гневным и разящим, когда обращается против угнетателей, насильников и тунеядцев. Прежде на спектаклях «Ревизора» по-настоящему смеялась только демократическая галерея, узнавая в партере живых гоголевских типов, видя в «Ревизоре», по словам Герцена, «ужасную исповедь современной России...» Сегодня над уродами эксплуататорами смеются здоровым, жизнерадостным смехом весь наш советский народ, трудящиеся стран народной демократии и все прогрессивное человечество, которое готовится широко отметить 100-летие со дня смерти великого русского писателя.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР.